

315
В-74

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

912,7
В-74

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ, СДЕ-
ЛАННЫХ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНЫХ
ОБЩЕСТВ ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕСТНОГО КРАЯ В МОСКВЕ
В ДЕКАБРЕ 1921 ГОДА СОЗВАН-
НОЙ АКАДЕМИЧЕСКИМ
ЦЕНТРОМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. ВЛ. БОГДАНОВА

НИЖПОЛИГРАФ
1923

513
В-74

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

Султанов

**ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

902.7
ВУУ

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

**СБОРНИК ДОКЛАДОВ, СДЕ-
ЛАННЫХ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНЫХ
ОБЩЕСТВ ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕСТНОГО КРАЯ В МОСКВЕ
В ДЕКАБРЕ 1921 ГОДА СОЗВАН-
НОЙ АКАДЕМИЧЕСКИМ
ЦЕНТРОМ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. ВЛ. ВОГДАНОВА

ПРОВЕРЕНО

7
**БИБЛИОТЕКА
И. М. С. 1644
Инв. № 1644**

**НИЖПОЛИГРАФ
1923**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в декабре 1921 года, по инициативе Академического Центра Народного Комиссариата по Просвещению, созывалась первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, тогда перед организаторами конференции стояла ясно и определенно одна задача: привести к согласованию и планомерной работе сеть краеведных обществ и учреждений и тем начать новую реальную организацию изучения России.

В результате первой краеведной конференции было организовано Центральное Бюро Краеведения, одной из основных задач которого является та же согласованность и планомерность краеведных работ в России. Будучи очень ясной и определенной по идее, эта задача в то же время очень сложна и трудна по своему конкретному выявлению в жизни. Жизнь давала большие кадры очень преданных и увлеченных работников по изучению края, но вплоть до времени первой конференции не дала ни повода, ни возможности стовориться о самых основных задачах краеведения, на которых и можно было бы строить и согласовывать всероссийскую планомерную работу. Вот почему, при отсутствии к этому времени в России сколько-нибудь содержательной руководящей литературы по краеведению, организаторы первой конференции приложили все старания, чтобы представить на обсуждении конференции более или менее законченный цикл руководящих тем по вопросам краеведения. Тезисы докладов на эти темы вошли в „Дневник“ конференции¹⁾, разошлись массами по всей России и уже успели сыграть положительную роль в направлении краеведных работ на местах.

В настоящее время 3-я сессия Центрального Бюро Краеведения при Российской Академии Наук признала спешно необходимым все названные доклады собрать и издать под заглавием „Вопросы Краеведения“, так как именно основные вопросы краеведения и составляют содержание этих докладов. Таким образом, сборник „Вопросы Краеведения“ предназначается для краеведов России, как первая ступень к проведению согласованных и планомерных работ. На сколько этому требованию может удовлетворить сборник, покажет ближайшее будущее. Сейчас же можно лишь предвидеть, что положенные в основу сборника „вопросы“, освещенные специалистами, должны стать злободневными вопросами краеведения и сосредоточить около себя всех тех, кто желает и может изучение края поставить на рациональные основы требований науки и жизни. До декабря 1921 года эти вопросы ни разу не были поставлены в такой полноте и с такой определен-

¹⁾ „Дневник Всероссийской Конференции Научных Обществ по изучению местного края“, №№ 1, 2, 3, 4 и 5. М. 1921—22 г.г.

ностью. Конечно, дальнейшая краеведная работа углубит и расширит эту постановку. Но и сейчас необходимо признать, что для краеведа, до сих пор полагавшегося лишь на свои собственные силы и знания, теперь есть на что опереться, есть из чего исходить в вопросах, требующих компетентных указаний и коллективного опыта.

В предлагаемом сборнике не все изложено так, как хотели бы того сами авторы, по чисто техническим условиям составления докладов. Прежде всего, размеры докладов для конференции были ограничены 30-ю минутами на их произнесение, и не всегда удавалось в полчаса развить тему с достаточной полнотой и доказательностью. Далее, большинство этих докладов было записано стенографически, но с большими пропусками и искажениями. Авторам докладов приходилось для сборника лишь перечитать эти стенограммы и, по мере возможности, их выправить. Конечно, в таком виде доклады много теряют сравнительно с их первоначальным содержанием. Наконец, условия печатания не позволили дать авторам время на более обстоятельную разработку их тем, взамен имеющихся стенограмм. Тем не менее Центральное Бюро Краеведения при Российской Академии Наук считает настоятельно необходимым выпустить этот сборник в свет, рассчитывая, что он сыграет свою значительную роль, прежде чем успеют появиться более обстоятельные труды по тем же вопросам.

Вл. Богданов.

Москва.
7 декабря 1922 г.

Задачи краеведения и история краеведения в России.

Велико еще незнание России. Ощущают это все и на каждом шагу, и говорят об этом чуть ли не каждый день. Чем ближе мы подходим к нашим дням, тем громче раздаются требования на местах и в центре безотлагательно изучать Россию во всем разнообразии ее природы и жизни, во всех особенностях ее областей и отдельных районов. Изучение края поставлено сейчас в России, как одна из коренных задач русской науки, русского просвещения и русской экономики.

В виду такой важности краеведения и несмотря на то, что по краеведению в России идет повсеместная работа уже много лет, своевременно и необходимо выяснить задачи краеведения. Понимание их далеко не так просто и не так самоочевидно. Так как задачи краеведения захватывают самые разнообразные области интересов нашей жизни, в том числе—науку, школу, самообразование, хозяйство, общественную деятельность, то задачи делаются очень сложными, и в них не всегда правильно разбираются.

Краеведение, изучение края есть первичный результат науки, и к какой бы области нашей жизни мы ни подошли с краеведными заданиями, мы прежде всего должны проверить и оценить эти задания на достоверных данных науки. Наука же в отношении к краеведению требует определенного логического построения и масштаба работ. Современная наука оперирует большим и малым масштабом: большим—мировым, общим, и малым—областным, частным. Наука задается такими темами, как вселенная и человечество, или: общее землеведение, или: общее народоведение, или: история земли, история культуры, история хозяйства и так далее. Но как бы гениально ни были разработаны эти темы, они еще не дают необходимого ответа на малые вопросы, относящиеся к какому,нибудь ограниченному району, если он не изучен, как, напр., на вопросы: природа такого-то уезда, население уезда, история заселения уезда и т. д. Иногда краеведы делали ту ошибку, что постановку общих вопросов науки применяли к краевому изучению и невольно находили в крае то, чего там не было. Напр., этнологи находили гетеризм у казанских татар конца 19 века или человеческое жертвоприношение у вотяков, географы давали неправильное представление о северно-европейской тундре, как об обязательно-болотистом пространстве, о русской Лапландии, как о стране безлесной, экономисты долгое время и даже еще ко времени постройки Сибирской железной дороги говорили о хозяйственных ресурсах Сибири, как о ничтожной экономической единице, которая не оправдывает затрат на дорогу. Во всех этих случаях лица, подходившие к пониманию отдельного края, при незнании края, были введены в заблуждение слишком общей постановкой вопроса, слишком большим масштабом анализа. Мерить общим, мировым масштабом отдельный

край, небольшой район нецелесообразно: из-за крупных величин не видно мелких единиц. Наоборот, хорошо изученные областным масштабом отдельные районы, сложенные в общую массу, могут и должны дать внушительную, по полноте и достоверности, картину явлений природы и жизни человека. Это особенно поучительно должно сказаться в отношении к России, обширной и сложной стране, для которой делалась уже не одна попытка дать общий ее обзор, в географическом, этнографическом, экономическом, хозяйственном и других отношениях, но незнание России по областям, отсутствие достаточных краеведных материалов делали все эти попытки в лучшем случае бледными и во всяком случае неудовлетворительными.

Краеведные работы, таким образом, имеют и другую положительную сторону: идя от края, от частного, к большой стране, к общему, они произведут в понимании этого общего большие и даже коренные поправки и изменения. Вообще эти работы должны сыграть в науке очень большую роль.

Краеведение, как одно из проявлений научной деятельности, не имеет своих собственных научных методов, потому что наука едина и методы науки едины. Но краеведение принципиально должно исходить, как уже сказано, из изучения небольших величин, доступных достоверному пониманию, и потому для краеведения должны быть поставлены свои определенные задачи, связанные с вышеуказанным принципом изучения небольших величин. Первой такой задачей краеведения является изучение территории края. Все предметы и все явления, замкнутые в границах краевой территории, должны быть последовательно изучены. Нельзя, напр., обобщать характеристику природы Дмитровского уезда Московской губернии, когда изучены всего лишь две—три волости уезда, хотя бы и типичных. Только при сплошном территориальном изучении выявляются естественные границы или переходные полосы предметов и явлений. Только при сплошном территориальном изучении русских говоров, в значительной мере уже исполненном, удастся установить естественные границы говоров, поднаречий и наречий русского народного языка. Также со временем будут установлены границы отдельных бытовых явлений: материальной культуры, обрядов, обычаев, хозяйственных типов, а также явлений природы, для которых пока лучше всего прослежены границы разного вида почв. Границы всего изучаемого края, конечно, тоже в будущем должны определиться в их естественном, а не искусственном административном построении. Но этого, в настоящий момент, при неизученности областей России, достигнуть в должной мере невозможно. Во-первых, и в будущем, при успехах краеведения, естественные границы края определятся все же, как комбинированные границы: границы явлений растительного царства не будут совпадать с границами явлений животного мира, границы хозяйственных типов с границами племенных групп и т. д. Направляющую и согласующую роль в установлении областной границы края должен будет взять на себя логический синтез краевых явлений, не исключая исторических и политических особенностей края. Но пока это будущее далеко. Сейчас возможно и вполне допустимо пользоваться искусственными границами края: губернии, уезда, волости. Изучение территорий в искусственных границах приведет к должной цели, т. е., когда будут изучены все отдельные районы России, тогда будет изучена и вся Россия.

Конечно, в отдельных случаях возможно стремиться и сейчас к изучению края в его естественных границах, хотя бы приблизительно. Такую попытку делает Областной Музей Московского края, избравший территорией своих работ междуречье между верхней Волгой и Окой, с западной границей по верховьям Днепра. Такую попытку делают краеведы Вологды, намечающие объединение нескольких северных районов в один северный край с центром в Вологде. Такие работы намечали, в силу логической необходимости, все учебники географии России, общеобразовательные обзоры России и отдельные научные трактаты и доклады.

Когда границы изучаемой краевой территории установлены хотя бы и искусственно, тогда определяется и вторая задача краеведения: изучение предметов и явлений на данной территории в их географическом распространении. Территория края могла бы быть изучена вся, по отдельным пятнам, по отдельным кускам, механически, без отношения отдельных пятен и кусков друг к другу. Но важно учесть притягательную силу одного куска территории к другому. Колонизация растений, животных, населения по территории обнаруживает эту притягательную силу. И краевед, с момента изучения того или другого предмета и явления на одном куске территории должен стремиться проследить географическое распространение тех же предметов на соседнем и дальнейших кусках. Конечно, ботанические явления лучше проследит и изучит ботаник, геологические — геолог, этнологические — этнолог и т. д. Этим еще раз наглядно подтверждается уже высказанная выше мысль, что краеведная работа есть работа чисто-научная. Во всяком случае, географическое распространение предметов и явлений по территории, будучи научно обследовано, ведет к большим и ценным результатам. Для примера достаточно указать на колонизацию населения в отдельных районах России: по географическому распространению отдельных говоров теперь уже намечаются довольно определенно колонизационные пути даже для тех мест, для которых отсутствуют исторические документы. Очень сложный вопрос о путях и направлениях заселения Волго-Окского междуречья, вызвавший очень много остроумных теорий и объяснений со стороны наших историков, наглядно освещается не только данными говора, но и недавними этнологическими работами московских ученых по географическому распространению типов костюма, особенно женской паневы, архаического типа, связанного и с древнеславянскими и южно-великорусскими и средне-великорусскими; также по распространению элементов и форм жилища, средств передвижения, народных обычаев и т. д. В отдельных случаях намечаются и, вероятно, при дальнейших исследованиях выявятся более частные колонизационные передвижения: между тверской и московской территориями, московской и подмосковной (степной (тамбово-саратовской)) и др. Таким образом, географический принцип, в связи с территориальным, углубляет познание предметов и явлений: уясняет их не только, как существующие в данный момент, но и как обнимающие то или другое пространство, двигавшиеся по тем или другим путям, связанные с тем или другим временем, определяющим их продвижение по территории.

Третьей задачей краеведения является учет предметов и явлений на территории по классифицирующим группам. На территории, напр., Волго-Окского междуречья, краевед, прослеживающий его

великорусское население, точно и определенно устанавливает его неодинаковость и неодносоставность: по говору, по костюму, по физическому типу, по хозяйственному укладу и т. д. Когда вся эта масса великорусского населения расклассифицируется на отдельные более или менее односоставные или, по крайней мере, малосложные группы, окажется, что одна из этих ныне великорусских групп связана определенными бытовыми нитями с мещерой, другая—с новгородскими колонистами, третья—с западно-русской колонизацией и т. д. Сейчас, и уже давно, большой вопрос в науке—славяно-финские отношения. Этот вопрос на территории Волго-Окского междуречья находит для себя большие краеведные материалы, и он уже в значительной мере на них базируется. Раньше этим вопросом больше были заняты языковеды, а теперь к нему приступили этнологи и палеоэтнологи. Раньше этот вопрос ставился и решался в плоскости одних лишь этнических взаимоотношений, а теперь исследователи стремятся проследить и территориальные пути и хронологические эпохи взаимных встреч, втеснения или мирного сожительства. Конечно, за такой постановкой вопроса следует и новое освещение целого ряда исторических явлений, о которых до сих пор существовали лишь смутные догадки. Когда огромная территория России покроеется такого рода краеведными исследованиями, наука о России обогатится такими знаниями и таким пониманием страны, о которых можно судить лишь по значению самой страны с ее многоплеменным населением, с ее тысячелетней историей, развернувшейся на колоссальных пространствах восточной Европы и Азии, и с ее еще столь мало изученной природой.

Только когда указанные выше три принципа краеведения соблюдены, когда накоплены территориальные материалы, сведения о географическом распространении предметов и явлений и когда они расклассифицированы, тогда можно подходить к конечной цели краеведения—к анализу сложных построений природы и жизни как на территории отдельных районов, так и на территории всей страны. В конечном итоге эти сложные построения природы и сложные построения жизни, как результаты тех или других причин, существовавших в отдельные исторические моменты, либо точно датированные, либо фиксированные относительно, в пределах смены эпох, должны определяться, как исторически сложившиеся, и, наоборот, эволюционная смена форм, предметов и явлений, в научных исследованиях должна занять второе, подчиненное положение. В области природы краеведные работы в этом смысле дадут меньше, чем в области жизни человека, особенно для обобщающих общих вопросов науки о природе. Но в отдельных случаях, и при том нередко, краеведные работы по изучению природы дадут не мало и для истории природы. Наши южно-русские степи, наши южно-великорусские культурно-земледельческие уголья, наши подмосковные ландшафты, наша верхняя и нижняя Волга и многое другое ждут своего историка природы. Пусть краеведы подготовят его приход. В области жизни человека, и притом, говоря о России, на ее территории, сложные построения жизни, будучи научно проанализированы на основании достаточного и хорошо подготовленного краеведного материала, дадут большие и ценные решения не только для частных вопросов, как исторические судьбы отдельных волн великорусской, волго-финской, древней восточно-славянской колонизации, но и для общих вопросов науки о человеке,

напр.: реальные причины и условия бытования анимистических верований, магических культов, культа предков, семейно-родовых организаций, кочевого или земледельческого хозяйства (еще недавно этот спор имел место и не был разрешен для хозяйства киргизских степей), традиционного и долгого переживания форм материальной культуры (костюм, жилище, утварь и т. д.) в одних случаях и легкой замены их в других, и многое другое.

Для всех этих научных достижений важно, чтобы краеведные работы следовали неуклонно общим методам науки. И прежде всего следует предупредить, что хотя наука в своем методологическом построении допускает рабочие гипотезы, теории и самый дедуктивный метод анализа от общего к частному, но в работах краеведных все эти логические приемы допустимы лишь в исключительных случаях и в минимальном размере. Настоящее поле логической деятельности краеведа—наблюдение, классификация, определение, описание и индукция. Ближайшая же цель всей этой деятельности, т. е. для нашего времени, для нашего незнания России, есть наблюдение. В данное время изучать значит наблюдать. Наблюдение конкретно выразится в форме описаний и сбора вещественных материалов, главным образом, музейных, архивных, книжных.

Конечно, понятно нетерпение человека, который, имея много подготовленных материалов, жаждет им подвести итоги, представить интересующие его построения жизни в логическом синтезе имеющихся у него данных. Иногда даже преждевременный логический синтез, не принося никому явного вреда, но и не возвещая непреложной истины, играет все же и положительную роль: возбуждает интерес, бодрит энергию, укрепляет веру в целесообразность научного труда. Но за кем история оставит пальму первенства в деле служения истины, в этом не может быть сомнения: за краеведами-собираателями. Результаты их краеведной работы, их наблюдения, описания и вещественные предметы, объективны, вечно неизменны и вечно нужны.

До сих пор речь шла о краеведении в науке исключительно. От науки, как сказано в начале этого очерка, краеведение должно подходить и к культурно-просветительным задачам и к общественно-экономическим вопросам. Обе эти сферы деятельности краеведения не лежат в плане настоящего очерка, будучи предоставлены другим авторам. Но, ввиду определенно поставленных здесь научных задач краеведения и зависимости от них всех прочих краеведных достижений, необходимо под этим же уклоном, основной мысли, ответить хотя бы кратко на выше указанные два пункта в задачах краеведения: в области культурно-просветительной и общественно-экономической.

Первый из этих вопросов сводится по преимуществу к школе и внешкольному просвещению. В области школьного преподавания и жизнью и педагогической мыслью поставлена задача приближения школы к изучению и пониманию края. Если следовать направлению мысли настоящего очерка, задача эта вполне целесообразна и выполнима. Что может и должен дать всякий школьник—наблюдение. Если он не умеет наблюдать, его нужно к этому направить. Поэтому наблюдение предметов и явлений своего края нужно поставить основой всякой школы с краеведной программой. Не все, что в природе и жизни доступно зрению и вообще ощущению, доступно и осознанию школьника. Выбор предметов и явлений для сознательного наблюдения школьника должен быть главной задачей педагога, как регули-

них наиболее великого, все остальные сплошные европейцы. Не странно ли, в этом олимпе завоевателей, вы не находите ни Чингиса ни Тимура, ни других полководцев Азии. Почему, на каких основаниях. По каким признакам. Не ждите ответа. Чванливая Европа умеет помолчать, когда это нужно. А на самом деле, ни по силе военного дерзновения, ни по размерам завоеваний, ни по грандиозности целей, ни по количеству примененных войсковых масс, даже по тонкости тактических форм—едва ли кто из европейских полководцев, отмеченных штемпелем „великого“, мог сравняться с Тимуром, не говоря уже про Чингиса. Может быть, один Наполеон еще в состоянии скромно и то отчасти приблизиться к этим гигантам военного дела. А такие „великие“, как Густав Адольф, Тюреннь, Фридрих Великий, вертевшиеся на стратегическом пяточке, со своими воюющими отрядами!—Разве их можно поставить хотя бы на приблизительный уровень с азиатскими „сокрушителями“ народов. Ни в коем случае.

Но, лишив военных вождей Азии того ранга, который им по праву принадлежал, Европа этим не довольствовалась. Сильно доверяя или желая верить разным рассказам средневековых миссионеров, осудивших и оклеветавших в своем слепом фанатизме и европейском самообольщении все азиатское, ее народы, ее крупных людей, европейская историография пронесла этот несуразный и глубоко ненаучный масштаб вплоть до ближайших дней. И на фоне этого масштаба появились глупо-жестокое опустошители стран, разгульно-кровавые, самодурные, развратные и т. д. Чингис и Тимур. Разрешите мне не входя в подробности, сказать, что это сплошное недоразумение или тяжкая неправда. Это вам давно бы сказали азиатские авторы вроде Ибн-ал-Ассира, Джувейни, Бабура, Абуфазля, даже Джузджани, которые естественно не лишены некоторой доли пристрастия, если бы вы имели удачу ознакомиться с ними. В Европе честь, может быть, первой попытки подойти более спокойно к этим великим людям принадлежит Гиббону, и его характеристика Тимура, правда, еще робкая и нерешительная дает нам облик этого человека, с которым можно уже мириться. Чингис был менее удачлив; он долго оставался при своей старой характеристике и только ближайшее время начинает снимать с него злостные и мстительные уборы европейской клеветы и глумления. С чувством большого удовлетворения на страницах интересного труда Василия Владимировича Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского завоевания“ я в свое время прочитал характеристику Чингиса и нашел в нем много сдвигов в сторону исторической правды. Упоминания о том, что Чингис не предавался разврату в той степени, как большая часть его потомков, что ни в одном из его поступков (а он мог „спокойно избивать людей тысячами“) нет признака бесполезной жестокости или самодурства, являются отрадным новшеством на фоне прежних злобно однообразных оценок и характеристик Чингиса. Я слышал, что в настоящее время в Берлине печатается труд Василия Владимировича Бартольда „Биография Чингиса“, мне хочется верить, что почтенный автор даст нам образ этого загадочного человека, еще более очищенный от ненаучных и злых придатков.

Упомяну еще о предвзятой классификации азиатских религий, особенно Ислама. Я не разумею при этом чисто религиозной точки зрения, страстность, которая мне еще понятна и естественна. Но я разумею те хулительные течения и тот почти презрительный тон, которым

так часто проникнута европейская печать, даже претендующая на научность. У английского переводчика *Хидан* (комментарий мусульманского права) по адресу этой книги, уже потому крупной и священной, что ею живут миллионы народов почти полторы тысячи лет и хотя, быть может, скромно и несовершенно, но ладят свой быт и примиряют взаимные интересы, я нахожу, например, определение, что коран „это необыкновенная смесь пустословия и юридических толкований“. А ведь это говорит человек, достаточно углубленный в существо мусульманских идей и постановлений.

Но европейцы пристрастны и деспотичны к азиатам не в одной лишь духовной области или в сфере научных подходов. Есть еще стороны—практической жизни и политических устремлений,—где Европа повела себя по отношению к Азии, как завоеватель, грабитель и эксплуататор. Считая эту сторону вопроса входящей в мою тему лишь косвенно, я очень доволен, что могу не смущать вашего воображения картинами того, как наше купечество спаивало бедных обитателей Северной Сибири, скупая за бесценок пушнину, как британцы войной заставляли китайцев покупать отраву для своей страны, как те же британцы начали войну с Афганистаном во имя насильственных достижений, как те же британцы полтора столетия властвуют над многомиллионной страной, выжимая из нее под обольстительным флагом культуртрегерства последние соки и т. д. Позвольте помянуть об этом и покинуть этот печальный вопрос.

Я отвлекал ваше внимание до сего времени Востоком вообще, так как в очерченных мною сторонах темы этот Восток и Русский Восток между собою совпадают. Мы и при изучении Русского Востока сталкиваемся с тою же огромною суммою тем во всех областях человеческой пытливости, с тем же слабым размером научных достижений и, наконец, с тем же предвзятым и пренебрежительным отношением к миру азиатских явлений; может быть, по вторым двум пунктам мы найдем некоторую разницу, если не в существе дела, то хотя бы в тональностях. Если Восток вообще слабо исследован, то по отношению к Русскому Востоку нам значительно пришлось бы сгустить краски; здесь неисследованных областей еще больше и здесь применение строго научных приемов изучения еще затруднительнее, здесь далекое прошлое еще глубже занесено слоями земли, и к нему еще менее применен труд археолога, лингвиста и т. д. Дикость и бедность мест нашего Востока, наша сравнительная отсталость могут быть достаточны для объяснения этого нашего греха пред Русским Востоком. Во всяком случае, для научной мысли здесь по старому полный простор, как в областях естественных, так и в сфере социально-культурных исканий.

Но в смысле пренебрежения или высокомерия к азиатскому мы уже гораздо менее грешны, чем Европа. Такая литература, как у англичан по отношению к индусам, для нас невозможна, она слишком чужда и дика для нашего примирительного и доброго мирозерцания. На это имеется много причин, на которых позвольте не останавливаться. В этом нашем отношении к Востоку сказывается вся обаятельность русского народного гения и вся широта его культуртрегерских возможностей.

Если еще наши летописцы называют Батю „лютým зверем“, между тем как он не только от самих монголов получил прозвание „добрého хана“ (саим-хан), но прославляется за свою кротость, спра-

ведливость и мудрость мусульманскими и армянскими писателями. то этот факт скорее можно признать исключением, чем правилом. Конечно, и мы не лишены известной доли пристрастия, предрассудков и даже порою высокомерия к азиатскому, но по сравнению с европейскими эти тона у нас значительно смягчены и более терпимы.

Но в картах Русского Востока, помимо черт, общих с Востоком вообще, пред нами вскрываются новые черты и задачи, делающие его содержание более сложным, знаменательным и колоритным. Русскому Востоку присуща та своеобразная особенность, что он органически, близко и длительно связан с русским миром—его народом, историей и укладом жизни. Эта связь подала в свое время повод Ламанскому к созданию очень интересного понятия о Среднем Мире, как место между собственной Европой и собственной Азией,—понятнее, может быть, довольно шаткое, но характерное, как иллюстрация тесной и глубокой связи между русским, (правильнее славянским) миром и прилегающим к этому миру Востоком. Эта связь имела свое подтверждение и в более грубых иллюстрациях, начиная с фразы Вольтера о том, что довольно поскресть немного русского, чтобы найти в нем татарина, и кончая воззрениями Духинского и его последователей, не признающих славянизма великоруссов. Конечно, в русской мысли бывали такие течения, которые старались отнести и затушевать взаимовлияние Востока и России, оторвать последнюю из сфер азиатских и, хотя насильственно, но включить ее в семью европейских народов, как это старались опознать и проповедывать некогда западники, в частности наблюдались тенденции само татарское иго, казалось бы огромный фактор нашей истории, свести к какому то мало влиятельному историческому эпизоду, как это чувствуется у С. Ф. Платонова, но это только исключения. Русский Восток, это совершенно очевидно, давно, длительно и тесно связан с русской историей и ее народом. В этом сплетении интересов, пониманий и навыков трудно даже установить, кто больше влиял и кто более поддавался влиянию; может быть, раньше главенствовало влияние Востока над нами, а в новые времена почти очевидно, что влияние над последним перешло к русскому народу. Задача трудная для решения, но ее не надо еще более осложнять придатными вопросами о злых или добрых влияниях, о ретроградирующем влиянии Востока, противоположном воздействии России и т. д., и т. д... все это вставки условные, делу не помогающие только страсти и излишние заблуждения.

Едва ли можно сомневаться, что Восток, близко и длительно связанный с судьбами русской истории, заимствовал из богатств русского народа огромную сумму культурных ценностей и навыков, а с другой стороны сам пропитал нашу народную массу и ее творчество сильнейшими влияниями; довольно, чтобы представить себе это с достаточной убедительностью, остановить свое внимание на особенностях русского языка, наших народных обычаев, на национальных чертах русского народа...

Эта органическая связанность русского мира с востоком заключает в себе обилие своеобразных особенностей, а рядом с этим немало культурных и практических ценностей. Россия, это во-первых физический и духовный мост между Европой и Азией; затем, близость к Востоку, врожденная и веками вскормленная способность понимания его и умения подойти к нему делают Россию крупным фактором при решении всяческих восточных вопросов вообще. Россия часто была

то авангардом, то арриергардом в минуты состязаний и борьбы Востока с Западом.

Но эта же сторона вопроса придает изучению Русского Востока ту особенность, что делает таковое зеркалом наших судеб и нашего русского миропонимания. Русский Восток это не только область идей, настроений и особенностей, лежащих вне нас и потому интересная только по каким то научно-объективным признакам. Нет. Это мир, нам близкий, родственный, это картина нас, самих, хотя бы как то измененная, может быть освещенная лучами иного солнца или приостановленная на тех ступенях развития, каковые уже давно миновал русский народ. И если решение крупных вопросов о существовании русского миропонимания о коренных особенностях русского народа, о тех или иных предположениях и попытках в области переустройства судеб русской истории является и с теоретической и с практической стороны роковым, насущным, упорно стучащимся в двери нашей умственной и нравственной пытливости, то какую огромную роль приобретает в этом случае Русский Восток, как близнец нашего всенародного уклада, как зеркало, хотя бы несовершенное,—нашего национального существа.

За эти последние года русский народ пережил несказанно много; мы лишены возможности говорить об этом спокойно, но если отойти от всяких условных масштабов оценки нами пережитого, а посмотреть на вещи, объективно трезвым взором мыслителя, то невольно задаешься вопросом: не ответила ли бы история и природа Востока на некоторые запросы, связанные с тем, что мы пережили и не имело ли бы смысла в той связи с Востоком, о которой я сейчас говорю, искать некоторых средств и помощи как к прогнозу будущего, так и к их текущему регулированию. Ведь в тех злобствующих ярлыках, которые Запад наклеивал на явления нашей революции и которые он сопрягает с особенностями азиатизма (*Socialismus asiaticus*) есть, помимо некоторой оскорбительной доли правды, также и предупредительное напоминание о нашем двойнике, который так решительно был забыт в наши бурные дни, а забывать которого в такие то дни пожалуй и не годилось бы.

Нет политики без известной прозорливости, нет широких общественных или государственных мероприятий без пророческого взгляда вперед, но такие заглядывания вперед требуют широты анализа, сложности учета и всесторонности соображений. И вот в этом то суммировании исходных данных видная роль должна принадлежать нашему Востоку и учету взаимоотношений между ним и всем нашим прошлым. Понятый правильно и углубленно, Русский Восток должен принести свою большую помощь при попытках опознать и провидеть будущее судеб России. Я не взялся бы конкретизировать или упрощать до какой-либо наглядности эту слишком общую и сложную мысль, но моему личному пониманию она рисуется довольно ясной, а все мною сказанное выше дает достаточный ключ для ее уразумения.

Я хочу теперь остановить ваше внимание еще на одной стороне Русского Востока, которая его содержанию придает несколько мистический и легендарный характер. Дело в том, что этот Восток на большой линии соприкосновения входит в связь с народами желтого мира, а главное, пожалуй, он сосед с Китаем. Как известно, мысль о кончине мира в обиходных сказаниях и верованиях русского на-

рода, иногда связывалась с каким то конечным под'емом Китая, который должен был покорить весь мир. В Средней Азии я также встречал это поверье. Я никогда не забуду, как в китайскую войну, наткнувшись случайно в Кажгарии на китайца, командовавшего конной лянзой, я лично мог удостовериться в том исключительном ужасе, который он внушал сопровождавшему меня киргизу... „Он ужасный“, повторял мой киргиз с перекошенными от страха глазами. И вот это убеждение в могуществе Китая, его конечном пробуждении и в покорении им затем всего мира, является, повидимому, поверием многих народов, распространенным на огромной площади Европы и Азии. Откуда оно, почему оно создано и так упорно держится, я не мог бы объяснить, но я несклонен ему удивляться, как и многим другим курьезам, сохраняющимся в тайниках народных дум и сказаний. Однако несколько странным я нахожу то обстоятельство, что указанное сказание о грядущем покорении мира Китаем, превращенное в более рефинированную форму „желтой опасности“, нашло себе доступ в интеллигентные и довольно широкие круги как Европы, так и России. Всеми миру известна картина Вильгельма, предупреждающая народы Европы и советующая им „блюсти свое достоинство“. Картинка стильная и не лишенная красот, но, к сожалению, эск-монарх Германии на своем веку столько говорил сильных слов и столько рисовал грандиозных образов, часто прикрашивая ими лишь свои политические, часто узкие и эгоистичные замыслы, что и пред лицом этой картины остаешься в недоумении: отражает ли она истинные мысли художника и единомыслящего с ним круга людей или это просто театральная жест политического Мефистофеля, скрывающего посторонние цели, а внутренне смеющегося над своим собственным жестом.

Более веры и внимания заслуживают мысли нашего философа Вл. Соловьева; эти мысли еще недавно многие из нас склонны были считать пророческими и находить в них печать глубокой прозорливости. Увы, время шло, пролетела над нами мировая война, как огромный корректив человеческих дум и заблуждений и как показатель будущего, и пророчества Вл. Соловьева мало по малу потускнели; ныне их может быть и забывают. Но как же теперь нам рисуется. Есть ли возможность, хотя бы и далекая, будущего надвижения на Европу желтых полчищ и оседание желтого мира на кладбище Европейской культуры. Конечно, как смотреть на все то, что переживаем сейчас мы и до некоторой степени Европа. Здесь равно возможны две гипотезы. Если переживаемое ныне есть начало какого то нового периода, новой зари человеческих устройств и достижений, то... желтая опасность отбрасывается сама собою, она не осуществима, так как разобьется о монолит нового и лучезарного человеческого общежития. Но если переживаемое есть не начало, а конец, умирание Европейской культуры, как умерли когда то Греко-Римский мир или еще раньше всемирные монархии Ближней Азии— а такая гипотеза далеко не досужая басня, то на образованную на обломках Европейского мира пустыню может покатиться та людская волна, знамя которой к этому моменту будет наиболее ярким, и упругость народных устремлений которой будет наиболее сильной. В этом случае возможна, конечно, и желтая волна народов.

Но если такая манера рассуждать в наше время реализма и искания экономической подошлеки может показаться слишком легендар-

ной и мистической, есть другая сфера наблюдений, где желтая опасность конкретизируется в более уловимые реальные формы. Последние наблюдения специалистов показывают, что китайская переселенческая и колонизаторская волна неудержимо ползет по Монголии и Маньчжурии в направлении к северу. Более ясное ее начало отмечается 1902-м годом. С тех пор до нынешнего года южную Монголию и Маньчжурию нужно считать потерянными для целого мира, а в частности для России. Политическая печать Америки так на это дело и смотрит. Она считает Дальний Восток ныне достоянием желтой расы и готова этот принцип распространительно толковать вплоть до формулы „Азия для азиатов“. Куда и с какой быстротой покатится дальше желтая волна, кто это скажет. Во всяком случае, ее угроза чувствуется уже у ворот Тибета. Во время мировой войны целый ряд китайских поселков охватил Туркестан (обобщая под названием Китайский и Русский) и вошел в непосредственное соприкосновение с Исламом, может быть, еще единственным борцом для сдерживания желтого напора.

Как бы то ни было, но за устойчивость и неустрашимость желтой волны говорит не один факт. Бытовая неприхотливость и дешевизна жизни делают китайца в области экономических состязаний, конечно, вне условий техники, непобедимым; биологическая конъюнктура также на его стороне. И если климатическая обстановка, до сих пор сдерживавшая китайскую массу на определенной территории, будет как то побеждена, то для желтой волны препон, видимо, не будет. „Народы Европы берегите свое достояние“.

Но под той или другой формой желтая угроза является значительно реальной темой и тем грядущим фактором, над которым надо про запас иметь то или иное решение. Несомненно, такие вопросы по своему содержанию и глубине необычно трудны для решения и почти непреодолимы в областях практического осуществления. Что можно предпринять против непреложности того или иного биологического закона. Но не так ли мы думали со времени Икара, обжегшего свои крылья о горячие лучи солнца, о возможностях завоевания нами воздуха. А теперь он в нашей власти и мы пользуемся летательными приборами, как наши предки нескладной почтовой каретой.

Во всяком случае Русский Восток есть первый буфер, смягчающий удар желтой волны о берега Белого Мира; он является первой дверью, в которую будет стучать желтый властелин, прежде чем вступит тяжелой ногою на поле Европейской культуры. Это обстоятельство придает Русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения.

Мне остается коснуться еще одной стороны и моя тема будет кончена. Далекый кусок Русского Востока в политической литературе еще недавно носил название *Русского Дальнего Востока*; в него входили вост.-азиат. области России: Забайкальская, Амурская, Приамурская, Камчатская и Сахалинская. Сам этот Восток в свою очередь являлся слагаемым того более обширного понятия, называемого *Дальним Востоком*, в который входит часть восточ. Азии, занятая Китаем, Кореей, Японией и Индо-Китаем. Дальний Восток является накоплением людских масс, доходящим до 600 милл. (треть населения земного шара), и уже поэтому есть огромная политическая и экономическая величина. Но ее ценность усугубляется примыканием к водам

Тихого Океана, этого последнего и заключительного водного резервуара нашей планеты. Вам известна картина смены мировых резервуаров: сначала человеческая культура ютилась у Средиземного моря, затем оно было изжито и покинуто для Атлантического океана, в настоящее время борьба у этого океана тухнет и переносится к водам Тихого океана. Там народы зажгут факел их последнего состязания, там кто-то выйдет последним и мировым победителем. Такова красочная канва глубоко интересной Тихоокеанской проблемы.

В наши дни она получила пока особую форму. Япония, победоносной войной 1904—5 г. г. укрепившая свою политическую и военную мощь, а во время мировой войны достигшая исключительной экономической и финансовой силы, является теперь тою державой у вод Тихого океана, которая задается широкими великодержавными задачами: она стремится не только к господству на Дальнем Востоке, но и к господству над всей Азией; мало этого, страна Восходящего Солнца проявляет свои вождедения даже на оба побережья Великого Океана. Проникновение Японии в Калифорнию, Канаду, Южную Америку, Гавайские острова, вот ближайшие этапы ее размашистой политики, столь беспокоящие Америку и на которых последняя, по видимому, поставила уже крест. По крайней мере Америка ищет в предоставлении простора Японии на континенте Азии того исхода, который истомив и поглотив народную энергию Японии, может быть смягчит ее наступательный ход на западные края обеих Америк.

В настоящее время происходящее у берегов Тихого Океана можно назвать первой схваткой желтой и белой рас. Исход этой борьбы не ясен, но поведение Америки, устами своих политических мужей, уступчиво повторяющей фразу „Азия для азиатов“ и, как-будто, умивающей руки, не говорит о дружной работе членов белой семьи.

Не углубляя ваше внимание подробностями, отошлю интересующихся тихоокеанской проблемой к авторитетам вроде Weale'a, Millard'a, Willoughby, Aubert'a, S. Lee... Мне достаточно сказать, что еще недавно, являясь властителями русского Дальнего Востока, мы были не только зрителями, но и значительными участниками в завязывавшейся здесь борьбе; по крайней мере, по территориальным размерам мы стояли на втором месте после Китая и в этом отношении превосходили Нидерланды, Англию и Японию. Я не хочу быть пессимистом и не повторяю за американскими политиками, что Дальний Восток потерян для нас и стал уже достоянием желтого мира. Я рассчитываю на силу русского народа и на быструю поправку наших дел на Дальнем Востоке, и с этой стороны только я говорю, что Русский Восток своим далеким концом вводит нас в кругооборот крупных грядущих событий. И к разгару борьбы у вод Тихого Океана мы должны быть не только мудрыми зрителями, но сильными и подготовленными участниками этой борьбы. Но это еще далекие перспективы.

Пока же среди других счастливых наций мы близко стоим к будущим районам мирового состязания и эта приближенность нашего Востока к этим районам усугубляет его значение, делает его содержание еще более крупным и тем самым придает русскому Востоку дополнительную политическую ценность.

Теперь несколько слов в заключение. Необытное содержание Востока и новизна и свежесть тем, с ним связанным, едва ли могут вызвать сомнения.

Восток—огромная девственная нива, ждущая научных работников всех рангов и всех специальностей. К Русскому Востоку это приложимо в большей мере.

Но, приступая с исследованием к этой большой и поучительной теме, мы не должны забывать двух сторон дела.

Восток нужно изучать в связи с Западом, особенно в области культурно-социальных явлений. Старая поговорка „ex oriente lux“ особенно верна в том смысле, что Запад есть лишь надстройка над фундаментом, который заложен Востоком. Цифра, музыкальная гамма, письмо, учет времени, религия, право, собственность... весь сон нашей духовной жизни взят с Востока,—мы его верные и раболепные дети. Почему опознать Восток без связи с Западом трудно и неразумно.

Затем, к Востоку нужно подходить строго научно, без европейского чванства, без высокомерия и предрассудков. Нужно отдать должное самобытности и своеобразности Востока и не прилагать к ним осудительного штампа; раз они не совпадают с европейскими шаблонами. Еще вопрос, кто разгадал загадку о человеческом счастье—Запад или Восток, кто более испил до дна чашу человеческих испытаний и горя.

Во всяком случае, искренний, лишенный заносчивости и эгоизма, объективно простой подход к явлениям Азии, к ее народу и природе, будет лучшим способом его познания и с точки зрения методологии, и в целях достижений... он будет и наиболее совершенен с общечеловеческой точки зрения.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стран.
1. <i>Вл. Вл. Богданов.</i>	Предисловие	3— 4
2. <i>Вл. Вл. Богданов.</i>	Задачи краеведения и история краеведения в России	5— 13
3. <i>А. И. Полтевский.</i>	Краеведение и политико-просветительная работа	14— 17
4. <i>С. В. Чефранов.</i>	Краеведение и народное хозяйство	18— 22
5. <i>А. В. Бакушинский.</i>	Искусство и краеведение	23— 29
6. <i>В. И. Талиев.</i>	Охрана местной природы, как научная и общественная задача краеведения	30— 34
7. <i>А. А. Яхонтов.</i>	Краеведение и школа	35— 43
8. <i>Б. С. Жуков.</i>	Организация институтов и курсов по подготовке работников краеведения	44— 50
9. <i>А. Е. Ферсман.</i>	Изучение производительных сил страны и деятельность Российской Академии Наук в этом направлении	51— 53
10. <i>С. А. Добров.</i>	Геологические исследования в небольших районах и их краеведное значение	54— 57
11. <i>С. Г. Григорьев.</i>	Значение установления растительных сообществ в деле изучения края	58— 64
12. <i>Г. А. Кожевников.</i>	Районирование в зоологических наблюдениях и исследованиях, как одна из основных задач краеведения	65— 72
13. <i>Б. М. Житков.</i>	Прикладная зоология в задачах краеведения	73— 77
14. <i>Н. Д. Поногайбо.</i>	Агрономические учреждения на службе краеведения	78— 81
15. <i>С. И. Небольсин.</i>	Местные метеорологические наблюдения в связи с задачами краеведения	82— 85
16. <i>А. А. Крубер.</i>	Программа антропогеографических исследований края	86— 92
17. <i>Д. Н. Анучин.</i>	Культура доисторического человека по отдельным районам России и ее изучение	93—100

18. Б. А. Куфтин. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения 101—108
19. Ю. М. Соколов. Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ 109—113
20. Д. Н. Ушаков. Изучение народных говоров силами работников по краеведению 114—117
- ✓ 21. М. М. Богословский. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи 118—124
22. Вл. Вл. Богданов. Культурно - исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов“ 125—132
23. Н. А. Рыбников. О собирании биографий местных деятелей 133—137
24. Б. М. Городецкий. Библиография и краеведение 138—143
- ✓ 25. М. С. Вишневецкий. Выставка, как метод пропаганды идеи краеведения 144—150
- ✓ 26. Ю. М. Шокальский. Русский Север, как задача краеведного изучения 151—158
- ✓ 27. А. Е. Снесарев. Русский Восток, как задача краеведного изучения 159—171
-

1970 H.